

В. Рыбаков

**Вооруженные силы
в демократической России**

Диалог

Офицеры

В дореволюционной России любили говорить и повторять: "Каковы офицеры, такова и армия". С этим трудно не согласиться. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона за 1892 год указывается: "Служа по званию, офицеры суть носители военной чести, представители армии, основание всего военного устройства и особое сословие в государстве". Среди различных привилегий, которыми пользовались российские офицеры в конце прошлого и в начале нынешнего веков достаточно указать, чтобы убедиться в их серьезности, что потомственное дворянство приобреталось производством в чин полковника, а личное дворянство – производством в первый обер-офицерский чин. Кроме того, офицеры освобождались от всякого рода сборов, взимаемых подушно, и от натуральных повинностей. Особые привилегии давались офицерам, бывшим на гарнизонной службе и на службе в отдаленных местностях. Нет никаких сомнений, что быть офицером в России было почетно. Но важнее всего, это необходимо особо подчеркнуть, то обстоятельство, что в дореволюционной России государственная власть доверяла офицерству (несмотря на Декабристов и на активное участие офицерства в нескольких дворцовых переворотах), считала их защитниками отечества и своих интересов и была убеждена, что право на профессиональную инициативу со стороны военачальника есть положительный фактор. Доказательством служит тот факт, что наша дореволюционная армия (как и армии других европейских государств) не знала ничего похожего на институт комиссаров, политотделы, особые отделы, партийные и комсомольские

организации. Россия, становясь великой державой, продолжала укреплять свою армию. Извлекая уроки из поражений (в Крымской и Японской войнах), она быстро модернизировалась, так как получала для этого от государства достаточно средств и возможностей.

В конце 1913 года французский экономист Эдмон Тьери писал: "Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 гг. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 гг., то Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так в экономическом и финансовом отношениях". А один из выдающихся военных теоретиков того времени начальник германского главного штаба генерал фон Мольтке так оценивал в 1914 году результаты реформ, проведенных в русской армии за период 1907-1913 годов: "Боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте. Следует в особенности отметить, что она некоторыми чертами превосходит боевую готовность других держав, включая Германию, а именно: устранение зимнего периода военной слабости вследствие задержания призывных под знаменами впредь до окончания подготовки рекрутов; частые проверки всего мобилизационного аппарата путем пробных мобилизаций; возможность необыкновенного ускорения мобилизации при помощи периода подготовки к войне".

*

Мольтке переоценил возможности нашей армии, однако в течение трех лет первой мировой войны, ведя крупномасштабные действия против лучшей в то время армии мира, русская армия, одерживая победы и неся поражения, не посрамила себя, в особенности офицерский корпус. Развал армии в 1917 году был вызван прежде всего экономическими и внутривнутриполитическими причинами. Этот катастрофический развал был резко уско-

рен 1 марта 1917 года постановлением Совета Рабочих Депутатов о принятии мер для обеспечения интересов "революционных солдат". Постановление получило печальную известность под названием "Приказ № 1".

Этот приказ состоял из семи пунктов. Солдатам предписывалось: 1) избирать полковые, батальонные и ротные комитеты; 2) выбирать депутатов в Советы; 3) в политических делах слушаться только Совета и своих комитетов; 4) думские приказы исполнять только, когда они не противоречат решениям Совета; 5) держать оружие в распоряжении комитетов и "ни в коем случае не выдавать его офицерам даже по их требованию". В последних двух пунктах объявлялось "равноправие" солдат с офицерами вне строя, отмена отдачи чести, титулования и т. д.

Развал армии, призыв к солдатам выступить против офицеров превратил нашу победу в первой мировой войне в поражение и предопределил для нашей страны кровавый и нищий путь, а нашей армии - позор и потери, редкие в мировой истории. То, что Россия в 1917 году стояла на пороге победы, не вызывает никаких сомнений. Черчилль, бывший в 1917 году английским военным министром, так описал в своей книге о мировой войне случившийся с Россией кошмар: "Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда в виду уже была гавань. Она уже выдержала бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак - флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: лишь оставаться на посту, тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии,

удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте. Иными словами - держаться. Вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы”.

Осмысливая произошедшее, трудно уйти от оценки событий, предопределивших нашу сегодняшнюю жизнь, жизнь нашего государства, нашей страны. Отношение, в частности, к "Приказу № 1" должно быть неразрывно связано с отношением к Октябрьскому перевороту, уничтожившему, среди прочего, и русскую национальную армию. Нам необходимо сегодня решить, если нас заботит безопасность страны и обороноспособность государства, к какой армии мы тяготим: уходящей корнями в нашу историю, национальной, постоянно совершенствовавшейся, не терявшей при этом преемственности; либо к созданной большевиками и отражающей прежде всего их политическую и идеологическую сущность.

На этот вопрос ответить не так легко, как может показаться с первого взгляда, так как многие советские офицеры считают наши вооруженные силы по сути дела национальной армией, полностью возрожденной Сталиным во время второй мировой войны. Некоторые идут по этому пути еще дальше, считая, что раз большевикам нужно было очень быстро (после захвата власти) отказаться от милиционных вооруженных сил и создать регулярную армию, то, следовательно, процесс возрождения национальной армии начался по сути дела уже в марте 1918 года, когда был обнародован большевиками закон о формировании Высшего Военного Совета как координирующего центра для создания массовой регулярной Красной армии.

Это ошибочное мнение психологически понятно. Оно - следствие противоречия: офицер, чувствуя себя единицей общенациональной силы, служит в антинациональной армии, на которую напялили национальную форму. Например, можно, воюя под лозунгом "пролетарии всех стран, соединяйтесь", получить орден Кутузова; "выполняя интернациональный долг", - орден Суворова. Так,

офицер может отнестись спокойно к тому факту, что перед отправкой, предположим, в Афганистан, ему сначала торжественно объявят о необходимости выполнить "интернациональный долг", а затем, в своем офицерском кругу, - о необходимости "защитить наши южные границы".

Но прежде всего это ошибочное мнение - прямое следствие колоссальных усилий, направленных коммунистической властью на достижение важнейшей для нее цели - лишить офицера политического образования, отнять у него сущность, делающую его гражданином. В советской армии обладание собственным политическим мнением автоматически является преступлением. И не только политическим мнением! Никто в нашей стране не находится под большей политической слежкой, в более плотном окружении следящих за ним политических сил, чем офицер. Вся политическая мощь коммунистической партии направлена в армии на полное закрепощение офицера. Не зря практически каждый советский офицер должен быть членом партии, не зря политическая благонадежность ценится неизмеримо больше боевого и организационного таланта офицера.

Необходимо, однако, констатировать, что аполитичность офицера ценилась и ценится во многих странах, в том числе демократических. Но в демократических странах запрещение, совершенно правомочное, заниматься политикой на службе, не касается ни личных политических воззрений офицера, ни выполнения им гражданского долга. В авторитарных странах чаще всего офицерский корпус, если он сам не у власти, является основной опорой диктаторской власти и тем самым находится в привилегированном положении. В дореволюционной России, авторитарный строй которой был устоявшимся, традиционным, офицерский корпус был лишь одной из опор власти наряду с другими традиционными государственными институтами. Обладая, как указывалось выше, определенными привилегиями, офицер тем не менее не выделялся резко из общей массы под-

данных. Было указано, что "военнослужащим воспрещается публичное произнесение речей и суждений политического содержания, а равно сообщение без дозволения начальства в повременные издания сведений из дел им вверенных или известных по службе. Им воспрещается также участвовать без особого разрешения в чествованиях, имеющих публичный характер". Эти запрещения не препятствовали ни политической образованности, ни политическому самообразованию вообще. Однако упорно насаждаемый в русской армии обычай быть строго аполитичным (соблюдай присягу и не занимайся политикой), к которому нужно прибавить выдвижение на первый план Государя, а не Отечество, – привел к тому, что русское офицерство в громадном большинстве встретило революцию (и отречение Царя) в полной растерянности.

В 1918 году многие офицеры воспринимали создание Красной армии как возрождение русской армии. Достаточно указать, что из 250-тысячного командного звена только 3 тысячи подняли сразу оружие против большевистской власти. Что в течение всей гражданской войны 30 процентов (75 тысяч) бывших офицеров русской армии сражались в Красной армии против своих бывших товарищей. Что в ходе войны из Белых армий перешли в Красную армию 14.390 офицеров. Что, наконец, не менее 80 тысяч офицеров перешли после революции на гражданское положение и не участвовали в войне. Почти все они погибли, вне зависимости от выбора. И большинство – не в бою. Одни были уничтожены ЧК, другие – НКВД, третьи – МГБ. Погибли вступившие сразу в Красную армию, вступившие во время войны, перешедшие из Белой армии, вовсе не участвовавшие в войне. Роковая ошибка была одна-единственная – непонимание сущности новой, коммунистической власти, которая, если говорить только об армии, была и по сути своей осталась *антиофицерской*. Не только по отношению к бывшим царским офицерам, а к офицерам вообще, до сегодняшнего дня. Иначе нет возможности объяснить лишение

офицера права на инициативу, существование института комиссаров, чистки, в результате которых в сталинское время погибло офицеров высшего командного состава больше, чем за все войны от Октябрьского переворота до наших дней. Возможные возражения, что, мол, коммунистическая власть относилась с недоверием и уничтожала, стесняла в работе, подвергала унижительной опеке, слежке только бывших царских офицеров, - не выдерживают суда истории.

Антиофицерская армия

Действительно, с самого начала существования Красной армии, ставшей затем советской, ее офицерский корпус был практически сочтен врагом, которого необходимо использовать. Нынешний "перестроечный" министр обороны СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС генерал армии Язов так отвечал в 1988 году на вопрос о политических и гражданских правах военнослужащих: "Решение этого вопроса поставлено на повестку дня Великой Октябрьской социалистической революцией. Сломав старую военную машину, ленинская партия во главу угла военного строительства в Советской Республике поставила принцип политического и гражданского полноправия военнослужащих". На деле в 1918 году был создан институт военных комиссаров, основной обязанностью которого было открытое наблюдение за деятельностью офицеров (и военнослужащих вообще), причем приказ профессионального военнослужащего мог стать действительным только после одобрения комиссара, бывшего чаще всего человеком абсолютно безграмотным в военном деле. Речь шла о том, чтобы не только не дать офицеру проявить творческую или иную инициативу, но и не допустить потенциально такой возможности. Институт комиссаров просуществовал до 1932 года, с 1937 по 1940 годы, а затем в период 1941-42 годов. Столь долгое существование такого

гибельного для армии организма является ярким доказательством того, что коммунистическая власть была враждебно настроена по отношению не только к бывшим царским офицерам, а к офицерам вообще. Это необходимо повторить, так как тоталитарная власть не может не относиться враждебно к гражданину, обладающему властью над определенным количеством других вооруженных граждан. Страх власти по отношению к советским офицерам был в истории СССР подчас сильнее страха по отношению к внешнему врагу, иначе нет никакой возможности объяснить истребление командных кадров армии перед началом войны 1941–1945 годов, а также, с началом войны, введения вновь института военных комиссаров. Советско-финская война 1939–1940 годов уже показала страшными поражениями, нанесенными немногочисленной финской армией нашим войскам, что вследствие коммунистических реформ как в экономике, так и в военном строительстве вооруженные силы нашей страны, опутанные по рукам и ногам партийно-репрессивными органами, потеряли свою былую (и все растущую до революции) боеготовность и эффективность. Вторая мировая война только подтвердила этот страшный для нашей державы факт. Согласно объективному "Атласу мировой истории" (изд. "Пингвин", 1978 г.), Германия за всю войну и на всех фронтах потеряла в боях 4 миллиона человек, СССР – 13,6 миллиона. Чтобы ощутить чудовищность этой цифры, следует сравнить германские и наши потери в первой мировой войне: Германия потеряла в боях 1 миллион 808 тысяч человек, Россия – 1 миллион 700 тысяч.

Мы победили. Возгласы типа "победителей не судят", "мы за ценой не постоим", "великая жертвенность нашего народа" – лишь жалкие попытки оправдать преступления власти по отношению к народу и, в частности, к армии. Вышеуказанные потери во второй мировой войне никто и ничто не может оправдать. Как и отношение коммунистической власти к нашим пленным во всех войнах, которые вела наша страна в послеоктябрь-

ский период. Пленные считались предателями, были лишены по приказу власти помощи Международного Красного Креста и гибли миллионами в немецких лагерях. В России попавшего в плен солдата испокон веку жалели, помогали ему, вызволяли. Его встречали после плена, как перенесшего долгие страдания героя, встречали хлебом-солью. Никому в голову не могло прийти назвать предателем попавшего в плен русского солдата. Не могло потому, что даже самый подозрительный российский государственный деятель не мог допустить и мысли, что русская рота, тем более армия могут добродельно перейти на сторону врага или сдаться в плен, не находясь в безвыходном положении. Доверие русского государства к своим военнослужащим, в особенности к офицерскому корпусу (и выделение его, повторяем, в привилегированное сословие), было естественным следствием отношения, которое легко преобразовалось в неотъемлемую часть имперской политики.

Политическое недоверие, враждебность к армии и офицерству со стороны коммунистической власти вызвали на фронте невиданные не только в отечественной, но и в мировой истории феномены: основным среди них нужно считать образование Русской Освободительной Армии (РОА), обладающей более чем миллионным людским потенциалом.

Об отношении власти к армии можно также судить по затратам государств на ее содержание, в особенности во время войны. Цель государства и армии как его составной части - не просто добиться победы, но добиться ее в лучших условиях, прежде всего при наименьших потерях в личном составе. Последнее же, как известно, достигается, во-первых, при наличии самостоятельных и высококвалифицированных штабов, а, во-вторых, максимальным обеспечением живой силы тяжелым вооружением, огневым и авиационным прикрытием (в современной войне), а также боеприпасами. В течение второй мировой войны воюющими государствами было истрачено на войну 1,5 биллиона американских долла-

ров. Из них на долю США приходится 21 процент (потери на поле боя - 259 тысяч человек), Англии - 20 процентов (потери - 326 тысяч), Германии - 18 процентов (потери - 4 миллиона), СССР - 13 процентов (потери - 13,6 миллиона).

Не только подозрительность и враждебность, но и пренебрежительное отношение к военнослужащему, отношение к нему как к дешевому пушечному мясу характеризуют коммунистическую власть в нашей стране. Результатом могут быть только огромные потери как в военное, так и в мирное время, а также резкое понижение боеспособности наших вооруженных сил.

Как мы уже указывали выше, институт военных комиссаров был отменен в 1942 году (9 октября). В интервью, данном "Красной Звезде" (18.10.88), министр обороны Язов авторитетно заявил, что с этого дня "в наших вооруженных силах существует полное единоначалие". Каждый офицер не может не знать, что это заявление - замаскированная ложь, свойственная периоду гласности. Действительно, с 1942 года приказ командира не может быть отменен комиссаром, но до сегодняшнего дня офицер окружен плотным слоем политической слежки. Общеизвестно, что офицер должен быть комсомольцем, кандидатом в члены или членом партии. В 1989 году 76 процентов офицерского корпуса были кандидатами в члены или членами партии, остальные - комсомольцами. Беспартийные офицеры в советской армии - редкость, исключение, подтверждающее правило. Отказ от вступления в комсомол или в партию автоматически исключает возможность продвижения по службе. А принадлежность офицера к партии автоматически делает его гражданином, служащим прежде всего не отечеству, не государству, а - коммунистической партии. Более того, в нашей армии политическая благонадежность в глазах руководства, в том числе военного, неизмеримо важнее гражданских и профессиональных качеств. Вывод только один: армия, защищающая интересы партии (какой бы она ни была), а не страны в

целом, не интересы государства как такового, не может не быть глубоко ущербной.

Кроме партийной организации, следящей за его поведением (парторг), за офицером следит политотдел и его "шестерки" (замполит), а за всеми еще следит Особый отдел и его "шестерки" (особисты). Говорить в таких условиях о "единоначалии" не приходится. Коммунистическая власть относилась с подозрением и враждебностью к офицеру в 1918 году, точно так же она к нему относится и в 1989 году - и будет так относиться до конца своего существования. Разница лишь в том, что сегодня она видит в офицере-партийце меньшую непосредственную угрозу для себя, чем 60 лет назад.

Тем не менее, какие бы ни разворачивались планы перестройки в области военного строительства, они никогда не касались пересмотра настоящего статуса офицера, вывода его из-под опеки-слежки КПСС. Начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. Д. Лизичев это не только не скрывает, но подчеркивает в № 3 журнала "Коммунист" за 1989 год: "Основная идея перестройки в армии и на флоте выражена достаточно ёмкой формулой в резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции: эффективность советского военного строительства должна определяться преимущественно качественными параметрами - в отношении как техники, военной науки, так и состава Вооруженных Сил". А министр обороны СССР генерал армии Язов прямо говорит в вышеупомянутом интервью: "А единоначалие как раз и обеспечивает персональную ответственность как руководителей, так и исполнителей. При этом каждый единоначальник, независимо от занимаемого им положения, действует в пределах предоставленных ему прав под контролем партии, проводит в жизнь ее политику, выражающую коренные интересы народа. В этом - сущность партийной основы советского единоначалия, обеспечивающей его органическое сочетание с

социалистической демократией". Или дальше: "Руководство партии военным строительством, Вооруженными Силами, является основой основ укрепления обороны нашей Родины".

Подобное повторяет все высшее военно-партийное руководство, правильнее было бы его назвать партийно-военным руководством. Поэтому все "перестройки" в военном строительстве будут лишь поверхностными и не смогут улучшить состояние и положение нашей армии и флота.

Ясно, что необходимая реформа в наших вооруженных силах должна в первую очередь касаться профессиональной автономии (во многих случаях - независимости) офицерского корпуса. Нужно отдавать себе отчет, что до сих пор наша страна оставалась великой державой только благодаря количественному перевесу нашей армии над армиями возможных противников (количество переходило в качество). На вооруженные силы партийное руководство тратило и тратит до 20 процентов валового национального продукта, т. е. одну пятую суммарной стоимости продукции и услуг в стране. За последние 15 лет на Западе произошли одна за другой несколько технологических революций, в результате которых качество вооружения и боевой техники Запада резко поднялось. Есть все основания считать, что наше количество уже не переходит в качество. У офицерского же корпуса армий Запада всегда была профессиональная автономия. Сочетание этих двух качеств армий Запада приводит, согласно элементарной логике, к печальному выводу: СССР (Россия) перестает быть великой державой.

Быт

Качество работы штабов, боеспособность армии также в огромной степени зависит от рабочих условий и условий быта представителей офицерского корпуса и их семей. В течение последних лет в высших партийных

инстанциях, в том числе в ходе заседания Политбюро ЦК КПСС, отмечалось, что "предусмотрены меры по улучшению материально-бытового обеспечения военнослужащих и их семей". Но каким должно быть это "улучшение"? Ведь даже средства массовой информации признают, что нормальный быт офицеров, мичманов, прапорщиков и их семей имеет огромное значение для боеготовности армии. Так как же так вышло, напрашивается вопрос, что милитаризованная великая держава держит военных в черном теле, почему в американском бюджете свыше половины средств идет на содержание личного состава, на пенсии и т. д., в то время как в СССР на эти цели расходуется меньше четверти бюджета?

Официально, например, среднее денежное довольствие младшего офицера полкового звена на несколько десятков рублей выше, чем средняя заработная плата рабочих и служащих. Но эта иллюзия быстро испаряется, если учесть некоторые факторы. Прежде всего необходимо учесть, что около четверти жен офицеров не имеют возможности работать. Таким образом, сумма, приходящаяся на семью с учетом выплат и льгот в месяц, у младшего офицера гораздо меньше, чем у среднестатистической советской семьи. Считается, что кадровому военному предоставляется ряд льгот, среди которых единовременное денежное вознаграждение, стоимость обмундирования, стоимость проездных документов, скидка на квартплату. Однако эти льготы даже не компенсируют расходы, связанные с особенностями служебной деятельности, в частности, с частыми переездами. Жилищная проблема, острая в стране, еще острее в армии. От 20 до 25 процентов офицеров вообще не имеют жилья, наем же жилплощади стоит от 60 до 100 рублей в месяц. А ведь необходимо учитывать, что офицер чаще всего не имеет возможности ни работать "налево", ни эффективным трудом получать право на премиальные или квартальные (как на нормальном производстве), ни заняться официально в свободное от службы время индивидуальной деятельностью, стать кооператором или

частником. Кроме того, если по СССР официально 80 процентов жилплощади обладает минимальным комфортом, то в гарнизонах по стране – только 50 процентов, из которых больше половины безнадежно устарели (например, водопровод есть, но он не работает). К этому необходимо добавить, что рабочий месяц офицера, мичмана, прапорщика часто составляет 340–360 часов, что почти вдвое превышает бюджет рабочего времени на обычном предприятии (включая сверхурочные). Получать гроши, находиться на службе по 10–12 часов в день, не иметь жилья, ютиться втроедорога в чужих домах и квартирах – вот удел большинства советских офицеров. Отдельная печальная тема – жизнь семей офицеров, особенно детей. Правомочно попытаться ответить на вопрос, почему уровень жизни, например, советского летчика-истребителя ниже уровня жизни водителя автобуса? Ответ однозначен: уровень жизни офицера соответствует отношению к нему власти. Иначе, как понять, почему ответственные работники министерства обороны генштаба получают оклад в 400 раз выше денежного содержания солдата или матроса, почему командующему округом положена дача, комнат на десять, с бассейном, гаражами, кухнями. И, разумеется, ему положено спецобеспечение как продовольственными товарами, так и промтоварами.

Заграница нам не указ, однако трудно не признать куда более справедливым тот факт, что в США оклады самых высокопоставленных генералов превышают оклады рядовых в 10, от силы в 12 раз. На заявление, что, мол, в США профессиональная армия, можно возразить, что в ФРГ или во Франции оклады генералов превышают оклады рядовых в 15, в редких случаях в 20 раз. Дело, конечно, не в том, чтобы лишить высший командный состав привилегий, а в том, чтобы распространить их, в зависимости от табеля о рангах, на весь офицерский корпус. Кроме того, привилегии в армии не должны носить политический характер. Это категорический императив.

Характер этих отношений должен быть общесословным. Иначе быть не может в национальной армии, освобожденной от какого бы то ни было партийного руководства. Гражданин страны должен стремиться стать профессиональным военным. Военная профессия должна манить, ее престиж должен быть на должной для великой державы высоте. Чтобы добиться этого, необходимо сочетание материальных и социальных привилегий с привилегиями духовного порядка, определенными прежде всего понятиями чести офицера.

Разве можно говорить сегодня о привилегиях и чести, когда советский офицер не имеет права уволиться из армии, когда не могут хоть как-то укомплектовать курсантами полтора года военно-учебных заведений, когда офицеры, чтобы быть уволенными, подгоняют свое поведение под пункт о "проступках, дискредитирующих звание офицера" (есть еще 5 пунктов). Гражданин не может быть офицером против своей воли, не может им остаться против своей воли. Такой офицер наносит вред армии. Армия-тюрьма, в которую коммунистическая власть заключила офицера, должна быть разрушена. Офицер должен быть освобожден. Нужно создать армию, в которой наши лучшие военные традиции были бы в гармонии с лучшими достижениями в военном деле за последние полвека.

Основа военной реформы - освобождение армии от партийного контроля, партийного засилия, партийного непосредственного руководства вооруженными силами. Если эта реформа не будет осуществлена, наша страна неизбежно превратится в короткий теперь срок в державу второстепенного значения, а ее вооруженные силы - в совершенно отсталую, нищую армию.

Срочная служба

Положение военнослужащих срочной службы в наших вооруженных силах куда более катастрофично, чем по-

ложение профессиональных военнослужащих. В течение последних лет советские средства массовой информации уделяют много внимания вопросам, связанным с прохождением срочной службы (2 года в армии, 3 года на флоте). Перечисляя все аспекты военной службы, большинство советских авторов не находят ни одного положительного. Бесчеловечное отношение к мобилизованному начинается на призывном пункте и продолжается до демобилизации. "Армия - школа жизни" оказывается механизмом, калечащим души и тела.

Следует, однако, отметить, что большинство критиков нынешних армейских порядков сами в армии не служили. И это требует объяснения. Дело в том, что так уж устроена человеческая память: пережитое дурное, унижения (когда тебя унижали или ты сам унижал), лишения она старается уничтожить (срабатывает инстинкт самосохранения) и потому выталкивает на поверхность пережитое доброе: армейскую дружбу, пережитые опасности, всякого рода приключения, чаще всего связанные с нарушением того или иного устава (или многих вместе взятых). Поэтому, как это ни парадоксально, необходимо считать более нелицеприятными в описании армейского быта именно граждан, не служивших и потому изучавших армейские явления и процессы без предвзятости, хотя, разумеется, никто не избавлен от чисто политического подхода. Одни считают необходимым поставить армию под контроль общества, другие - только усовершенствовать ее командно-административную систему. Третьи утверждают, что необходимо очеловечить армию. Четвертые заявляют: "Своеобразие армейской жизни состоит в том, что далеко не все потребности военнослужащих могут быть удовлетворены. Более того, одна из задач и обязанностей военнослужащих состоит в стойком преодолении тягот и лишений воинской службы, что предполагает существенное ограничение таких потребностей и интересов, которые несовместимы с успешным прохождением воинской службы" (это писали в 1988 году подполковник юсти-

ции А. Смердов и старший лейтенант юстиции Я. Гей-вандов). Эти горе-юристы, очевидно, считают, что армейская жизнь в наших вооруженных силах настолько легка, что следует искусственно создавать дополнительные трудности.

Справка: в ФРГ в 1988 году опубликовали данные, согласно которым в автомобильных авариях во внеслужебное время погибли 43 военнослужащих, среди которых определен процент военнослужащих срочной службы. Было указано при этом, что большинство несчастных случаев связано со стремлением военнослужащих не опаздывать в расположение части. Командование бундесвера сделало соответствующий вывод: разрешило военнослужащим в случае пробок на дорогах, неисправности автомобиля или других непредвиденных уставами случаев опаздывать в расположение части. Сумма опозданий для военнослужащего (офицера или солдата) не должна превышать 12 часов в год.

Без всякого сомнения правы те, кто утверждает, что наши армия и флот отражают состояние общества в концентрированном виде. Поэтому службу в наших вооруженных силах часто уподобляют не выполнению гражданского долга, а сроку отсидки. И не зря, например, существует у американских моряков афоризм: "Тяжела морская служба - русские же сделали ее невыносимой". И не без причин с горечью смеются наши военные моряки, узнавая подробности быта на броненосце "Потемкине" и причину бунта на этом корабле в 1905 году. За 80 лет условия во флоте не улучшились, а ухудшились. Самый крупный мятеж (ставший известным) последних двух десятилетий произошел на флоте - восстал в 1975 году эсминец "Сторожевой".

Служба в вооруженных силах начинается чаще всего с призывного (сборного) пункта, мало чем отличающегося от классической пересыльной тюрьмы. Уже в ГСП призывник чувствует, что советская армия - большая семья, в которой человек человеку волк, семья, в которой спасет только дружба или сообщничество. Уже в

ГСП могут у призывника отобрать часы, могут рыться в его личных вещах, обменять свитер (все равно отберут) на обещание помочь, продать втридорога бутылку водки. Часто, еще не зная этого, призывник чувствует себя эком. Затем призывника "покупают". Либо на ГСП, либо в эшелоне. Не зря "купцами" молва окрестила представителей частей, забирающих молодое пополнение. Если гражданин на "гражданке" чувствует себя весьма (в лучшем случае) ограниченным в правах, то став военным служащим, он должен и вовсе забыть о правах и помнить исключительно об обязанностях. Ощущение себя "товаром", а представление об армии как о "купце" вполне правомочно... но только с той поправкой, что в этом повинна не армия, а система власти. По прибытии в часть молодому военному служащему нужно заботиться прежде всего о своем спасении. Нужно спасать (заполнять) свой желудок, так как бескалорийная пища разрушает здоровье. Нужно спастись от "стариков", так как старослужащие будут заставлять молодого делать ровно то же, что делали старослужащие с ними, когда они были "салагами", то есть молодыми военными служащими. Нужно спасать свой сон, так как наряды, караулы (после принятия присяги) и наряды вне очереди могут оставить на сон по 4-5 часов в сутки. Нужно спасать самоуважение, так как с первых же суток армейские порядки и традиции вынуждают к унижению, даже к самоунижению. Нужно спасать и личные вещи, и посылки из дома, и деньги, и свое обмундирование, так как воровство в армии часто и воровством не считается. И свое здоровье, так как "закаляют" молодого военного служащего часто до серьезных заболеваний, в особенности на гауптвахте и на учениях (маневрах).

Эти явления неизбежно приводят к одному знаменателю - к хронически низкому уровню боеспособности военных служащих срочной службы, а следовательно, к низкому уровню обороноспособности вооруженных сил в целом. Простая и издревле известная истина гласит,

что "голодный солдат - не солдат". Тем более не может им быть молодой человек, исключительно заботящийся о собственном выживании, не только в материальном плане, но и в психологическом и духовном. Тут не до овладения боевой техникой, не до уважения к уставам, раз их необходимо нарушать, чтобы остаться человеком, не до уважения к мундиру, раз он - олицетворение несправедливости.

В настоящее время "гласность" позволила обществу заговорить об армии, обсуждать на страницах прессы вопросы, касающиеся проведения реформ в деле военного строительства. Но речь идет о реформах поверхностных, о "косметике", так как для настоящего обсуждения настоящих проблем нужно выйти за границы гласности и неизбежно прийти к выводу, что зло таится в самой коммунистической (тоталитарной) системе власти, что реформы в армии неизбежно должны проходить через создание иной системы власти.

Уподобление солдата эзку обладает по сути дела безупречной тоталитарной логикой. Многие в отношении власти к советскому офицеру относятся и к солдату, однако с некоторыми поправками. Офицер (или сверхсрочник) как профессионал связан особенностями своей работы гораздо сильнее, нежели срочник. Нужды гражданского общества для офицера представляют гораздо меньший интерес, чем для срочника, которому два-три года службы представляются часто как пустая трата времени, как туннель, по которому нужно пройти из гражданского общества - в гражданское общество. Так было, так есть. Любой власти известно, что солдатская масса обладает способностью несравненно быстрее воспламеняться, чем офицерский корпус. Офицерский корпус способен в крайнем случае на заговор, солдатская масса - на бунт, восстание. Сотрудничество же офицерского корпуса с солдатской массой или же части офицерского корпуса с частью солдатской массы для власти губельно.

Коммунистическая власть на заре своего существо-

вания враждебно относилась к офицерству, враждебно относится к нему и ныне. Каковым же могло быть ее отношение к срочнику, к вооруженному гражданину, пришедшему из гражданского общества и вновь (по истечении срока службы) уходящему в него? Все этапы развития тоталитарной власти – от военного коммунизма до нынешней перестройки – показывают, что потенциальное резкое недовольство гражданского общества по отношению к власти (вызываемое будь то экономическими, политическими или идеологическими мерами) всегда требовало от нее проведения постоянного строгого контроля за гражданами. Для власти категорическим императивом всегда было – не дать гражданам возможности свободно организоваться. В особенности это относилось и относится к вооруженным гражданам. О каком доверии к вооруженному гражданину может идти речь в любом неправовом государстве, тем более тоталитарном! Дело не в добром или злом отношении власти к людям, а в необходимости проведения тех или иных мер. В демократическом государстве доверие власти к вооруженному гражданину естественно, поскольку гражданин свободно выбирает власть, то есть он обладает возможностью свергнуть негодную ему власть, прибегая не к оружию, а к избирательному бюллетеню. Развитие демократических институтов в демократических государствах это доказало, хотя путь был подчас не очень легким и сегодня многие демократические режимы, в особенности не так давно созданные, не избавлены от военной угрозы изнутри.

В нашей стране коммунистическая власть еще во время гражданской войны поставила своей задачей – полностью отрезать армию от гражданского общества, заставить ее существовать в условиях максимальной изоляции. Все ныне действующие уставы, многие законы, которым подчиняются наши вооруженные силы, направлены на достижение этой цели.

Дело не только в косности властей, если военнотру-

жащий не имеет права в течение всего срока своей службы одевать гражданскую одежду; дело не в скупости, если для военнослужащего увольнение и отпуск – не естественное его право, а – поощрение. Дело не в тупости, если срочник окружен не просто солдатскими политическими организациями контроля и слежки, но двойным кольцом контроля и слежки – солдатским и офицерским. Не зря военнослужащему срочной службы выдают настолько мизерное денежное довольствие, что его едва хватает на курево, лезвия для бритвы, на сукно для подворотничков, не зря ему запрещено употреблять спиртные напитки, заходить в заведения, торгующие ими. Не зря политической подготовке уделяется больше времени, нежели боевой, не зря все говорят и повторяют о "воспитании" солдата – как противники, так и сторонники "перестройки" в армии.

Изучая нашу военную историю, необходимо помнить, что заградительные отряды, расстреливавшие отступавшие части, существовали только в послеоктябрьский период истории нашей страны, как и объявление пленных – предателями. В России отступление в принципе, как и пленение, никогда не считалось предательством – что не помешало нашей стране стать великой державой и создать одну из величайших империй. Напротив, способствовало, поскольку распространенное в русской армии отеческое отношение (патернализм) офицера к солдату имело в конце XIX и в начале XX веков положительное значение, создавало особые, внеслужебные добрые узы, порождало в офицере стремление защитить своего солдата. Эти отношения были настолько сильны, что проникали, окутывали официальные тексты. Например, невозможно ныне представить себе подобный по содержанию нижеследующий текст из составленной в 1900 году по приказанию командующего войсками Киевского военного округа "Подробной программы обучения молодых солдат пехоты": "Препровождение времени. Кончилась служба – отдохни, займись починкою вещей. Если мастеровой – работай свою работу; если для

продажи - скажи об этом отделенному командиру. Разрешается играть, петь; но когда товарищи отдыхают после обеда - не мешай. После зари - спать. Работать дозволяется и до 11 часов ночи. Дежурные и дневальные, пока молодые солдаты освоятся, руководят развлечениями без прикрикивания и угроз. Загрустил (стал скучать) - поговори с земляком, попроси грамотного написать письмо домой. Не бойся о своей беде сказать ротному командиру. Он даст тебе совет. Командирам рот и младшим офицерам следить за душевным состоянием молодых солдат: ободрить загрустившего, дать совет. Гостей без разрешения дежурного по роте в казарму не вводи. Водку, без разрешения фельдфебеля, нельзя приносить в казарму; а если разрешено и ты принес - покажи дежурному по роте. Полезно сказать молодому солдату, что водка к греху ведет. А очень уж понадобилось ему выпить рюмку - чтобы отпросился у отделенного командира сходить в полковую лавочку и там выпил. Кстати будет разъяснить им, что в полковой лавочке за 4-5 коп. два человека напьются вдоволь чаю и съедят по полбулки, тогда как за те же деньги они могут выпить лишь по рюмке водки без закуски. Командирам рот следует строго следить, чтобы учителя и начальствующие из нижних чинов не принимали ни подарков, ни угощения от молодых солдат".

Также может советскому солдату показаться невероятным, что в нашей армии по положению 1889 года "солдатские лавки и буфеты не должны иметь характера коммерческих предприятий - весь чистый доход обращается исключительно на их содержание и на удешевление продаваемых предметов. Разрешение продажи спиртных напитков предоставляется усмотрению местного высшего начальства. Заведование буфетом или лавкой возлагается на одного из офицеров".

Без всякого сомнения, в разработке положений внутриармейской (и внутрифлотской) реформы должны быть учтены и взяты на вооружение лучшие традиции армии и флота. Но нужно эти традиции, прерванные или

изуродованные коммунической властью, развить, качественно видоизменить, так как речь должна идти уже не о подданном, часто безграмотном или полуграмотном, а о свободном, избирающем власть гражданине. Например, военнослужащие срочной службы должны избирать заведующих столовой, клубом, буфетом и т. д. всеобщим и тайным голосованием.

Однако, несомненно, основные реформы, касающиеся военнослужащих срочной службы, должны быть осуществлены после (или параллельно) проведения реформ, касающихся офицерского корпуса.

Основные реформы должны быть следующими. 1) Присутствие партийного руководства и партийного контроля внутри вооруженных сил должно быть прекращено — какой бы то ни было партии. 2) Должно быть прекращено "воспитание" военнослужащих, так как в правовом обществе совершеннолетнего гражданина, обладающего правом избирательного голоса и готового выступить с оружием в руках на защиту своей страны, не воспитывают и не перевоспитывают. Изучение пересмотренных уставов (как и присяги) является частью боевой подготовки. 3) Должно быть отменено армейское рабство, то есть круглосуточная несвобода. Во внеслужебное время срочнику должны быть автоматически возвращены его гражданские права. Гражданин идет в армию (во флот), чтобы служить в рядах вооруженных сил определенное время и этим выполнить свой воинский долг. Солдатская служба есть тяжелая работа, направленная на обеспечение обороноспособности страны, а не отбывание наказания в максимально тяжелых условиях. Каждая воинская часть должна быть круглосуточно боеспособной благодаря необходимому количеству учебных часов, дежурств и нарядов. Во внеслужебное время военнослужащий должен быть свободен влиться на равных правах в окружающее его гражданское общество. Особые условия (служба на границе, в отдаленных точках и т. д.) должны сопровождаться особыми привилегиями. 4) Должен быть резко поднят уровень жизни

военнослужащих срочной службы, в том числе заработная плата. Должна быть дана возможность выбрать альтернативную службу по религиозным и иным серьезным мотивам. В вооруженных силах должна существовать не только полная религиозная терпимость, но и предоставлена возможность каждому военнослужащему свободно отправлять потребности своего культа (как это было в русской армии). 5) Дисциплинарные батальоны должны быть ликвидированы. 6) Внутриармейская система наказаний за проступки должна быть пересмотрена - в первую очередь из нее должны быть убраны все узаконенные издевательства над военнослужащим. 7) Военнослужащему должна быть гарантирована тайна переписки наравне со всеми гражданами страны. Ссылка на возможное разглашение военной тайны - беспочвенна, она - лишь предлог для усиления политического надзора. 8) Военнослужащий должен получить полную финансовую самостоятельность наравне со всеми гражданами. 9) Военная цензура должна быть полностью отменена в мирное время.

*

Перечень необходимых реформ можно было бы продолжать еще долго. Но и перечисленных достаточно, чтобы прийти к заключению: они помогут создать в нашей стране здоровую армию, стоящую на здоровых началах, уничтожить проросшие в ней опухоли коммунизма, среди которых "дедовство" занимает далеко не последнее место по величине и вредности. Не может быть ни малейшего сомнения, что "дедовство" порождено лагерным (тюремным) бытом вооруженных сил. Уничтожив этот быт, мы уничтожим и "дедовство", если не полностью, то в большой мере - тому служат примерами все вооруженные силы в высокоразвитых странах.

Необходимо, разумеется, полностью изменить систему снабжения в вооруженных силах, но решение этого

вопроса целиком зависит от изменения системы правления в нашей стране. Пока в ней властвует КПСС, пока существует система распределения (централизованная или нет), пока государство покупает у государства, пока одно государственное учреждение распределяет по другим государственным учреждениям, — армия и флот останутся слабыми, нищими и полуголодными. Только введение неограниченной частной собственности со свойственными ей рынком и конкуренцией может способствовать правильному решению вопроса снабжения наших вооруженных сил (как и спасению нашей экономики в целом).

Вопрос, должны ли быть в нашей стране профессиональные вооруженные силы, обильно обсуждался в течение последних лет всеми средствами массовой информации и считается в настоящее время вопросом первостепенной важности. Однако нужно считать этот вопрос — ложным. Причина проста: наши вооруженные силы не могут стать профессиональными по чисто политической причине. Только страны, обладающие традиционной политической стабильностью, сумели, будучи демократическими, создать профессиональные армии. При этом нужно учесть, что все эти страны обладают политической системой англосаксонского происхождения (США, Великобритания, Австралия). Как бы то ни было, говорить в нашей стране о политической стабильности в демократии пока смешно. По всей вероятности, вопрос о том, быть или не быть нашим вооруженным силам профессиональными, был с самого начала отвлекающим маневром со стороны партаппарата и его слуги КГБ. Не мудрено, так как именно они, трубя о необходимости проведения нужных стране реформ в вооруженных силах, делают всё, чтобы эти реформы не были осуществлены. В этом они видят залог сохранения основ существующего тоталитарного строя.